

DOI: 10.34031/2071-7318-2020-5-1-26-31

Хомяков А.И.

Южный Федеральный Университет. Академия архитектуры и искусств

E-mail: a.khomyakov@mail.ru

АРХИТЕКТУРА МОНУМЕНТОВ: СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ВЕКТОР

Аннотация. Феномен «памятник и памятное пространство» в повсеместном увлечении идентичностью и историей, привлекает все большее внимание, как архитектурных теоретиков, так и широких слоёв гражданских сообществ. Тем самым восполняется не в полной мере оценённое значение рассматриваемого рода общественных сооружений, играющих важную роль в становлении и формировании государственности, национального сознания и культуры. Процессы этого постижения проходят подчас эмоционально и стихийно, игнорируя причинно-следственную связь исторического события и его памятника, создавая стереотипы, не соответствующие природе самого рассматриваемого явления. Часто памятники и монументы связываются в общественном представлении с позитивными впечатлениями, прославляющими и познавательными мотивами, понимаются как «знак и символ» государства и власти, в то время, как мемориальные и мемориально-музейные комплексы – несправедливо воспринимаются лишь как послания, напоминающие о драматических и трагических страницах истории, т.е. как «кенотафы» времени. Восприятие истиной сути современной архитектурной глорификации усложняет появление в последние десятилетия новых памятных объектов, выраженных непривычным архитектурно-художественным языком, в которых смысловое содержание не соответствует их традиционному назначению – прославлению и воспеванию государственного и народного подвига, героя или напоминанию о национальной трагедии. Они повествуют о новых темах. Определить правомерность таких суждений, рассмотреть новые прецеденты в практике и эволюции триады «памятник-монумент-мемориал» является целью данной статьи.

Ключевые слова: создание памятных и мемориальных пространств и комплексов, социально-политические, социально-культурные причины и мотивации, история, события, герои.

Вторая половина XX-ого века знаменательна появлением глубоких концептуальных изменений в музейном мире [1]. В конце этого века наметились также явные перемены в сфере мемориально-музейного строительства, в развитии которого стали преобладать социокультурные мотивации. Наряду с продолжающимся строительством традиционных идеологизированных мемориально-музейных комплексов (ММК) странах Азии, Ближнего Востока и Африки, всё чаще появляются комплексы нейтрального характера, в которых побудительная фабула посвящена аспектам не столько политическим, патриотическим и историческим, но культурным, познавательным и просветительским. К этим тенденциям стали подключаться задачи повышения туристического престижа города (региона, местности). В начале XXI века эти векторы усилились и обогатились появлением общественных знаковых пространств с содержанием этической и нравственной направленности, декларирующих идеи взаимного прощения (искупления), толерантности, политкорректности, признания прав «другого» на собственную идентичность.

Современные историки по-новому пытаются увязать память и историю, структурировать и передать прошлое. П. Нора, например, предлагает выделять некие «места памяти», в которых должны присутствовать не только музеи, архивы,

некрополи, памятники, храмы, но и праздники, ритуалы, публичные дискуссии [2]. И эти настроения уже находят отражение в архитектурно-строительной практике. Феноменально возросший в первые десятилетия XXI века интерес к сохранению и восстановлению исторической памяти привёл к заметной трансформации архитектуры ММК, которая иллюстрируется множеством примеров, подтверждающих теорию Нора – создания мемориальных пространств, как особых мест «памяти», что подтверждает рассматриваемая в исследовании антология.

Социально-культурные мотивации обретают в последнее десятилетие преобладающее, по сравнению с социально-политическими, значение при создании ММК, в силу целого ряда причин. Решающую роль в этом играет широкое признание различными авторитетными мировыми экономическими институтами приоритета социальных, культурных и общественных инициатив в развитии городов над остальными его стратегиями. Особенно, развития тех, которые ведут к созданию публичных мест, обладающих выразительным визуальным потенциалом. Это объясняется значительным экономическим доходом от роста туристических потоков, монетизацией городской культурно-досуговой активности населения и производства сувенирной и полиграфической продукции.

Кроме того, так частично решаются вопросы эффективного приобщения к политической, коммерческой, общественной и культурной активности традиционно сегрегированных слоёв местного населения. «Важной составляющей архитектурно-мемориальных комплексов является его ориентированность на социум, как прямого потребителя представляемых им ценностей. При этом архитектурно-мемориальные комплексы также являются важной составляющей городской инфраструктуры, которая обеспечивает культурный досуг, включается в систему образования, является достопримечательностью города, способствующей развитию туристического бизнеса и в целом делающей город уникальным. В связи с этим одной из главных причин создания данных комплексов является стремление горожан к более разнообразной социально-значимой культурной инфраструктуре» [3].

Просвещение (памятник Человеку). Одной из главных социально-культурных мотиваций создания мемориального пространства являются идеи гуманистического содержания, такие, например, как прославление уникальности личности и её свободы, право на счастье, нравственное и духовное самосовершенствование и др. В чём-то их смысловая направленность сближается с «назидательной» темой, ярко проявленной в патетических и одиозных мемориалах военным победам и обретения независимости. Но в данном случае речь идёт о значительно менее строгой форме оформления пространства, не такой образно артикулированной и одиозной, как например «Памятник Солдату-освободителю» в берлинском Трептов-парке, но наоборот, романтической и пасторальной.

В этом ареале находятся архитектурно-художественные мемориальные произведения, посвященные выдающейся политической или общественной личности, которые становятся прогулочными мемориальными парками с познавательной составляющей. Эту подгруппу побуждений к созданию памятного пространства можно условно назвать «поучительными», предлагающими не поклоняться, но брать нравственный, духовный пример с исторической фигуры, воспринимать ее как эталон поведения в жизни, творчестве и созидании. К этой группе можно в первую очередь отнести «Башни Бисмарка», мемориалы Ф. Рузвельта в Вашингтоне и Нью-Йорке («Парк четырех свобод»). Показательны в плане «назидательной» идеи и многие другие известные исторические и современные мемориальные ансамбли, но по-разному.

Например, первый из них – это строившиеся с конца XIX по начало XX века, отдельно стоя-

щие в природном обрамлении вертикальные доминанты, в память о «железном канцлере» объединившем в XIX веке немецкие княжества в единую Германию Отто фон Бисмарке. Мемориал тотален по своему замыслу, т.к. его отдельно стоящие компоненты, «башни-донжоны-маяки», возводились на территории четырех частей света: в Европе, Африке, Америке и Австралии. Их грозный и суровый образ нес в мир комплексное послание – и это было не только написание, или предостережение, но и пример государственной доблести.

Мемориалы Рузвельту представляют из себя, по существу, парковые музеи под открытым небом, последовательно, зал за залом, раскрывающие перед посетителями череду мужественных решений и благодеяний этой персоны на пользу родины и отечества.

По таким же мотивам создавался Парк Хуана Карлоса I под Мадридом, открытый в 1992 году. Главным поводом его появления послужили оптимистические настроения и ожидания духовного возрождения страны от нового, оптимистично прогнозируемого, начинающегося в то время, правления короля Испании, сменившего почти сорокалетнюю клерикально-фашистскую диктатуру Франко. Парк отличается огромными размерами (160 га) и включает в себя широкий спектр развлекательно-досуговых и спортивных комплексов, таких как концертный зал, роллердром, поле для гольфа, развлекательный центр. Но главной его достопримечательностью является коллекция скульптур под открытым небом, неравномерно рассредоточенная по всей его территории, сделавшего парк всемирно известным мемориальным пространством. Эти скульптуры здесь собранные, как специально выкупленные, так и заказанные у известных мастеров, иллюстрируют страницы истории страны и всего мира в реалистических повествовательных и символических, иногда эпатажных формах. Все они инициируют посетителей на расшифровку этих посланий, их обдумывание, размышления на смежные и более широкие темы.

Это направление «просвещенческой» мотивации наглядно иллюстрирует целый ряд чисто «скульптурных парков», часто посвящённых одной знаменательной личности (иногда периоду её творчества) или какому-либо знаменательному явлению из культурной истории государства. К таким ландшафтам, активизирующим интерес к истории, искусству и, присущее различным контингентам экскурсантов любопытство, относятся и многие недавно созданные парки этого жанра [4].

Подобный парк недавно завершён в Германии – «Национальный парк скульптур памятника

германского единства» на территории по обе стороны бывшей приграничной территории (8,2 га) между ГДР и Западной Германией, в районе пограничного перехода между Тюрингией и Баварией (г. Айссенхаузен – г. Майнинген). В парке установлены скульптурные композиции на темы народных страданий, связанных с прежним национальным разъединением, борьбы по его преодолению и светлых переживаний свершившегося воссоединения народов Германии.

Одним из самых интересных и впечатляющих недавних произведений этого направления можно считать уникальный памятник, посвящённый принцессе Диане Уэльской в лондонском Гайд-парке. Нетрадиционный по замыслу и воплощению, он решается как своеобразный фонтан – кольцообразный бетонный канал переменного сечения, с текущими в противоположных направлениях быстрыми потоками воды. Он настраивает зрителя на элегическое настроение, заставляя тем самым обратиться к философским взглядам на жизнь, человеческую судьбу и время, что, бесспорно, позволяет причислить его к жанру «гуманистических» мемориальных пространств.

Ещё раз отметим, что всё чаще проекты, раскрывающие тему Памяти, решаются не драматическими архитектурными и скульптурными жёсткими, а средствами ландшафтной архитектуры, более камерными и спокойными. Японские мемориальные парки мира, мемориальный фонтан принцессы Дианы Уэльской, мексиканский мемориал битве в Пуэбле, скульптурные парки Европы и др. являются дословной иллюстрацией этой тенденции.

Тенденции эти отчётливо перекликаются с древнейшими античными мемориальными практиками – предпочитавшими выражение гордости и торжества победы через скромные и доступные средства, избегая применения риторики устрашения. Считалось, что создание долговечных грозных памятников победы над врагом приводило к длительным, непрекращающимся, постоянно вспыхивающим войнам. Поэтому, победные памятные знаки древними греками составлялись из трофейного оружия и арматуры (позже капитально построенные мемориалы из камня так и назывались – «трофеи»), которые через незначительное время сами собой разрушались и «исчезали как препятствие к установлению мира» [5].

Память о катаклизме. Одним из набирающих популярность направлений развития ММК можно считать создание символических пространств, посвящённых утраченным знаменательным памятникам архитектуры и культуры, достопримечательным и простым городским и природным местам, исчезнувшим в результате

сокрушительного антропогенного или природного бедствия. Такие объекты можно считать мемориалами «стихийным катаклизмам».

Самым ярким примером подобного направления является гигантский памятник «Кретто» (1989 г, А. Бурри) из бетона, целиком накрывший сохранившиеся руины городка Джимбеллина (провинция Трапани, Италия), до основания, разрушенного землетрясением 1968 года. Здесь возникает новая для мемориальной архитектуры тема: «топография – память». В данном случае эта тема отражена в подлинном масштабе мемориальной территории – объект представляет собой напоминание об исчезнувшем историческом поселении в масштабе 1:1 [6].

Для исследования диалектики феномена архитектурного мемориала важно отметить появление этого впечатляющего, своеобразного и искреннего пространства как памятника исчезнувшего места обитания на документальном горном рельефе.

Одни критики находят в мемориале Джимбеллино («Кретто», т.е. трещина) пространственные цитаты и методологические приёмы из творческого арсенала американского скульптора-концептуалиста Христо Явашева, широко известного своими художественными акциями «упаковки» крупных архитектурных объектов (Рейхстаг) и фрагментов ландшафтов (морских и горных) в мягкие инертные материалы. Другие – видят в «Кретто» новый прототип берлинского мемориала этническим жертвам нацизма (Мемориал жертвам холокоста, 2001 г., П. Айзенман). Здесь их сходство более заметно.

Почти одновременное появление этих двух абсолютно не связанных по смыслу между собой, но имманентно родственных архитектурных, концептуальных и, в тоже время, глубоко документальных художественных произведений наводит на определённые размышления.

Главные средства воздействия на зрителя комплекса «Кретто» базируются в самой специфике топографии – обширности пятна и значительности пространственного измерения. Именно эти категории в сочетании с брутальными манерами исполнения оказывают исключительное воздействие на зрителя. По мотивации своего создания он является социально-культурным произведением, никак не связанным с политикой.

Берлинский памятник, наоборот, чисто государственный знак, обязанный своему появлению политическим трансформациям в мировом обществе, породившими новое отношение к истории и памяти.

Оба памятника используют схожий пространственный подход, единым пространственным жестом которого является «расчленённость», «разъединённость», «фрактальность». В первом случае это выявление документальной квартальной планировки исчезнувшего в результате природного катаклизма поселения, во втором – планировочная метафора древнееврейского некрополя, его надгробий, расставленных в соответствующем регулярном порядке. Несмотря на разные мотивации их строительства, в первом – социально-культурной, во втором – социально-политической, в обоих проектах декларируется одна и та же гуманистическая идея – показать обществу опасность разобщённости, и, в следствии этого, его исчезновение.

Схожими качествами обладают Мемориальный парк цунами в г. Камала (Таиланд), Мемориально-музейный комплекс в г. Вэньчуань (Китай), посвящённый масштабному землетрясению. Если в первом случае объект решается в виде традиционного общегородского рекреационного парка с мемориальными пространственными и информационными компонентами, то во втором – это слитный архитектурно-ландшафтный музейный комплекс, созданный в память о сильнейшем землетрясении, происшедшем в 2008 году в провинции Сычуань, ставшего причиной гибели более 70 000 человек. Комплекс имеет форму разорванного ландшафта. Огромные выставочные и музейные подземные залы укрыты озеленёнными кровлями, что обеспечивает сооружению единство с окружающим ландшафтом. Пространственные проёмы переменной конфигурации, символизирующие разломы земной коры, одновременно становятся тихими и уютными площадками для отдыха и размышлений [7].

Идентификация места. В числе побуждений к созданию мемориального или памятного пространства, следует отметить такое значительное и многосмысловое, как порождающее «мемориал как бренд местности», т.е. мемориал, «инденцифитирующий» регион [8]. Под «брендом» понимается важный компонент в туристической индустрии, маркетинге, рекламе, городском и региональном развитии, стимулирующий циркуляцию посетительских, и поэтому, финансовых потоков. «Бренд» местности, получивший художественную форму, представленный в облике памятника или памятного пространства, играет роль достопримечательности, притягивающей внимание посетителей, медиа и общества, «магнита», визитной карточки, символа места. Применение этих механизмов успешно осваивается в первую очередь в США и Англии, в странах, искушённых в рекламной практике, рационально

применяющих её технологии в экономике и культуре. В. Глазычев в своей лекции в 2012 году, посвящённой вопросам региональной культуры, затрагивал вопросы разработки индивидуальных «брендов» и «культурных кодов» американскими штатами и их использования в качестве эффективного инструмента для успешного экономического и культурного развития территории.

Комплекс или объект такого рода играет роль достопримечательности, притягивающей внимание посетителей, медиа и общества, «магнита», визитной карточки, символа места. К этому же типу можно отнести такие величественные монументы, как Статуи Свободы в Нью-Йорке, Христа – Спасителя в Рио-де-Жанейро, памятник Джорджу Вашингтону в Вашингтоне и др. Все они являются яркими выразительными и запоминающимися символами, в которых сливаются государственные и общенациональные ценности, представления философского порядка, эстетические идеалы и культурные установки.

Из недавних примеров практики создания памятников в жанре «магнитов-достопримечательностей» является созданная в 1998 году статуя «Ангел Севера» (г. Гейтсхейд, Англия). 20-ти метровая в высоту, с размахом крыльев 54 метра, она установлена на холме и возвышается над двумя магистральными дорогами. «Ангел Севера», в силу своего непривычного образа вызвал большие споры среди местных жителей и британских газет, но сейчас рассматривается как несомненная достопримечательность Северо-Восточной Англии [9].

Заслуживает интереса не менее показательное строительство в Южно-Африканской Республике (г. Паарл, 1975 г.) необычного мемориала – монумента языку африкаанс. Поводом послужило 50-летие его официального признания государственным языком ЮАР, отдельным от голландского. Создание мемориала стало выражением гордости за государственный язык, принадлежащий исключительно Южно-Африканскому народу [10]. Архитектурно эти чувства переданы монументальными лаконичными архитектурными формами, отдалённо напоминающими экзотические африканские ландшафты и бивни слонов.

Похожие цели ставились при развитии центральной площади в г. Ковентри (Англия), города, центр которого сильно пострадал во время бомбардировок Второй мировой войны. Кроме создания самой «Площади Тысячелетия» с запоминающейся «Аркой им. Уитла» (изобретатель реактивного двигателя Ф.Уитл, уроженец города), выполненной в мотивах реактивных форсунок, в пространстве площади были установ-

лены гигантские часы с видеомонитором, стеклянный мост, ведущий в «Сад дружбы» и много других дизайнерских объектов, создающих яркие впечатления и оставляющих незабываемые воспоминания у посетителей.

Отечественная практика также демонстрирует понимание и интерес к стратегии создания социально-культурных памятных пространств. Подтверждением этому является недавно родившаяся в администрации г. Белгород инициатива создания «Памятника курской магнитной аномалии», раскрывающего историю самого мощного на Земле железнорудного бассейна, выявленного близ Курска в 1783 году и успешно разрабатываемого до настоящего времени. Согласно проектной гипотезе, комплекс будет рассчитан как на просветительские цели, популяризацию природной и промышленной достопримечательности региона, так и на активизацию отечественной туристической индустрии.

Все перечисленные случаи являются привлекательными коммуникационными объектами, в которых слились в одну образную конструкцию государственная идеология, представления философского порядка, эстетики, этики, филологии, т.е. представляют модель – символически выражающую культурно-коллективное пространство федерации, региона, местности. Тем самым можно утверждать о начале формировании нового направления в создании памятных пространств, не идеологизированных, но гуманитарных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Грачёва Е.С., Муханова С.А. Музей как социокультурное явление современного общества // Вестник Саратовского государственного технического университета, 2009 [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/muзей-kak-sotsiokulturnoe-yavlenie-sovremennogo-obschestva> (дата обращения 14.04.2019)

2. Нора П., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция-память. Санкт-Петербург, 1999. С. 26.

3. Соколова А.Н. Архитектурно-мемориальный комплекс в пространстве города: причины создания архитектурно-мемориальных комплексов // Технические науки в мире: от теории к практике: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Ростов: РГСУ, 2015. С.48-52.

4. Varas V., Rispa R. Skulpturen-parks in Europa // Ein Kunst-und Landschaftsfuehrer/Basel, Birkhaeuser, 2016. 256 p.

5. Габричевский А.Г. Теория и история искусства. Киев: Самватас, 1993. 256 с.

6. Вытулева К.О. Архитектура, ландшафт или радикальное искусство. Принцип «реиспользования» // Academia. Архитектура и строительство. 2011 №3. С. 43–44.

7. Памятник древнему богу-воину [Электронный ресурс]. URL: <https://fishki.net/mix/2290334-v-kitae-v-gorode-czinchzhou-provincija-hubjej-v-2016-g.html> (дата обращения 13.04.2019)

1. Прянишников Н.Е. От брендов к магнетизму в сфере туризма // Музей. 2013. № 10. С.13-15.

2. Викери Дж. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов – синтез социальной, культурной и городской политики // Визуальная антропология: городские карты памяти. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 312 с.

3. Монумент языку африкаанс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rutraveller.ru/place/95479> (дата обращения 13.04.2019)

Информация об авторах

Хомяков Александр Иванович, кандидат архитектуры, профессор кафедры «Архитектура общественных зданий». E-mail: a.khomyakov@mail.ru. Московский архитектурный институт (государственная академия) МАРХИ. Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, дом 11.

Поступила в октябре 2019 г.

© Хомяков А.И., 2020

Khomyakov A.I.

Moscow Architectural Institute (State Academy) MARCHI

E-mail: a.khomyakov@mail.ru

ARCHITECTURE OF MONUMENTS: SOCIAL AND CULTURAL VECTOR

Abstract. *The phenomenon of “a monument and a memorial space”, in the light of the widespread enthusiasm for self-identity and history, is attracting increasing attention from both the scientific communities and wide sections of citizens. The incompletely estimated value of the considered public facilities is being replen-*

ished, playing an important role in the formation of statehood, national consciousness and culture. The processes of this comprehension sometimes go through emotionally and spontaneously, ignoring the immanent cause-and-effect relationship of the "event and monument", creating stereotypes that do not correspond to the nature of the phenomenon under consideration. Often, monuments are associated in the public view with positive impressions and glorifying motifs, understood as a sign and symbol of the state and government, while memorial and memorial museum complexes necessarily carry memorable messages about the dramatic and tragic pages of history. The perception of the truth of the essence of modern architectural glorification complicates the appearance in recent decades of new memorable objects, expressed in an unusual architectural and artistic language, in which the semantic content does not correspond to their traditional purpose – the glorification of state and national feats, a hero or a reminder of a national tragedy. They narrate about new topics. The purpose of this article is to determine the validity of such judgments and to consider new precedents in the practice and evolution of the monument and memorial.

Keywords: the creation of memorable and memorial spaces and complexes, socio-political, socio-cultural reasons and motivations, history, events, heroes.

REFERENCES

1. Grachyova E.S., Muhanova S.A. Muzej kak sociokul'turnoe yavlenie sovremennogo obshchestva [Museum as a sociocultural phenomenon of modern society]. Tekst nauchnoj stat'i po special'nosti «Kul'tura. Kul'turologiya». Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 2009 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzej-kak-sotsiokulturnoe-yavlenie-sovremennogo-obschestva> (date of application: 14.04.2019) (rus).
2. Nora P., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. Franciya-pamyat' [France-memory]. Sankt-Peterburg, 1999. Pp. 26.
3. Sokolova A.N. Arhitekturno-memorial'nyj kompleks v prostranstve goroda: prichiny sozdaniya arhitekturno-memorial'nyh kompleksov [Architectural and memorial complex in the city space: the reasons for the creation of architectural memorial complexes]. Tekhnicheskie nauki v mire: ot teorii k praktike: sbornik nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov: RGSU, 2015. Pp.4852.
4. Varas V, Rispa R. Skulpturen-parks in Europa [Skulpturen-parks in Europa]. Ein Kunst-und Landschaftsfuehrer/Basel, Birkhaeuser, 2016. 256 p.
5. Gabrichevskij A.G. Teoriya i istoriya iskusstva [Theory and History of Art]. Kiev: Samvatas, 1993. 256 p.
6. Vytuleva K.O. Arhitektura, landshaft ili radikal'noe iskusstvo. Princip «reispol'zovaniya» [Architecture, landscape or radical art. The principle of "reuse"]. Academia. Architecture and construction. 2011. No. 3. Pp. 43–44. (rus).
7. Pamyatnik drevnemu bogu-voinu [Monument to the ancient warrior god]. URL: <https://fishki.net/mix/2290334-v-kitae-v-gorode-czinchzhou-provincija-hubjej-v-2016-g.html> (date of application: 13.04.2019)
8. Pryanishnikov N.E. Ot brendov k magnetizmu v sfere turizma [From brands to magnetism in tourism]. Museum. 2013. No. 10. Pp. 13–15. (rus).
9. Vikeri Dzh. Vozrozhdenie gorodskih prostranstv posredstvom kul'turnyh proektov – sintez social'noj, kul'turnoj i gorodskoj politiki [Revival of urban spaces through cultural projects - the synthesis of social, cultural and urban policies]. Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati. M.: OOO «Variant», CSPGI, 2009. 312 p.
10. Monument yazyku Afrikaans [Monument language Afrikaans]. URL: <https://www.rutraveller.ru/place/95479> (date of application: 13.04.2019).

Information about the authors

Khomyakov, Alexandr I. PhD, Professor. E-mail: a.khomyakov@mail.ru. Moscow Architectural Institute (State Academy) MARCHI. Russia, 107031, Moscow, Rozhdestvenka str., 11.

Received in October 2019

Для цитирования:

Хомяков А.И. Архитектура монументов: социально-культурный вектор // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2020. № 1. С. 26–31. DOI: 10.34031/2071-7318-2020-5-1-26-31

For citation:

Khomyakov A.I. Architecture of monuments: social and cultural vector. Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov. 2020. No. 1. Pp. 26–31. DOI: 10.34031/2071-7318-2020-5-1-26-31